

РЕЦЕНЗИИ

ПИЧХАДЗЕ А. А. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ М., “РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ” 2011. 403 с.

На общем фоне древнейших славянских переводов, преимущественно болгарских, выделяется группа текстов, соотносимых с восточнославянским культурным ареалом. Проблема происхождения этих текстов является, безусловно, одним из топких мест медиевистики. Созданные на общеславянском литературном языке, эти переводы по определению не могли иметь радикальных отличий от общей – болгарской – их массы. В этих условиях лексический критерий, определивший основные успехи в локализации переводов, с самого начала обнаружил и свои слабые стороны.

Даже в тех случаях, когда удавалось прийти к единому мнению о том, какие слова можно считать русизмами (их список корректируется до сих пор), камнем преткновения становился вопрос об изначальном присутствии этих слов в переводном тексте. Те “за” и “против”, которые были высказаны на заре споров о переводах, в большей или меньшей степени повторялись и в позднейшее время, не слишком сближая спорящие стороны.

В медиевистике стало ощущаться некоторое разочарование в традиционных способах локализации текстов – при одновременном осознании того, что других возможностей по существу нет. Создавалось впечатление, что метод достиг своих пределов, что бурить на больших глубинах не получается, а движение инструмента становится холостым. Такие настроения вызвали ряд попыток покинуть сферу лексики, но ведущие позиции лексического критерия при этом поколеблены не были. Наконец, чисто филологические сложности усугублялись необычной для медиевистики эмоциональностью обсуждения, усилившейся в последние десятилетия и внесшей в научные труды публицистические и даже патриотические обертоны.

Книга А.А. Пичхадзе “Переводческая деятельность в домонгольской Руси: Лингвистический аспект” в значительной степени стала ответом на перечисленные сложности. Качество и масштаб этого ответа обеспечены исследованием тридцати памятников киевского периода, содержащих восточнославянскую лексику. В соответствии с возникшими проблемами он лежит в двух основ-

ных плоскостях – методологической и, условно говоря, историко-культурной. Начну с первой.

Известно, что большинство открытий в той или иной мере подготовлено общим ходом событий. В особенности это справедливо для филологии, науки по преимуществу “накопительной”, где количество планомерно переходит в качество. Возможности разработанного исследовательницей метода не в последнюю очередь смогли раскрыться благодаря недавним достижениям в области изучения текстов киевского периода. Здесь следует прежде всего назвать образцовое издание и исследование “Жития Андрея Юродивого”, выполненные А.М. Молдованом [1], а также издания “Истории Иудейской войны” [2], и “Пчелы” [3], в подготовке которых – и это имеет значение – принимала участие сама А.А. Пичхадзе. Выходя за пределы рассматриваемого материала, не удержусь от искушения указать еще на одно выдающееся издание. Речь идет о новейшем пятитомном исследовании и публикации корпуса сочинений Дионисия Ареопажита в переводе сербского старца Исаии, подготовленных немецкими исследователями Сабиной и Дитером Фаль. К настоящему времени вышло три тома этого издания [4].

В работе А.А. Пичхадзе убедительно продемонстрированы преимущества комплексного исследования переводов. Одна из особенностей такого исследования состоит в том, что переводы изучаются не изолированно друг от друга. В этой связи достаточно упомянуть, что автором работы было предпринято сплошное сопоставление словников рассматриваемых текстов. Другой особенностью данного типа исследования явилась разработка системы параметров, по которым следует анализировать переводные тексты. Системность подхода позволила Пичхадзе отказаться от сосредоточенности исключительно на так называемых “ярких” словах – ведь именно эта сосредоточенность рельефнее всего и обозначила границы метода.

В результате предпринятого исследования стало очевидно, что “яркие” слова – только верхушка айсберга, а скрытое под водой не менее значимо, поскольку составляет с верхушкой единую систему. Иными словами: при сопоставлении

переводов имеет значение совпадение не только “диагностирующей лексики”, но и тех параметров текстов, которые на первый взгляд перевод не локализируют.

Для сопоставления текстов следовало, кроме того, определить некий общий лексический знаменатель, т.е. подобрать слова, наименее зависящие от жанровых или тематических особенностей текстов. Особое значение здесь имеют служебные слова – предлоги и союзы. Из полнозначных лексем в этом отношении наиболее показательны слова, входящие в синонимические ряды, что предполагает возможность выбора со стороны переводчика. Значительное место в методике изучения переводных текстов отводится и критерию частотности. В условиях, когда граница диалектов зыбка, важна частотность употребления даже тех слов, которые встречаются по обе стороны этой границы.

Переходя к историко-литературному или – шире – историко-культурному измерению работы, скажу, что достижения ее здесь не менее впечатляющи. В результате предпринятого исследования А.А. Пичхадзе удалось представить пространство переводной литературы в целом.

Первое существенное деление корпуса переводных памятников, содержащих восточнославянскую лексику, основано на наличии или отсутствии в этих памятниках лексики южнославянской. По этому принципу такие тексты, как Хроника Георгия Амартола, Повесть о Варлааме и Иоасафе, Христианская топография Козьмы Индикоплова, содержащие южнославянскую лексику, противопоставлены Александрии, Житию Андрея Юродивого, Истории Иудейской войны Иосифа Флавия и ряду других текстов, южнославянизмов не содержащих. Обе выделенные группы в свою очередь подразделяются на подгруппы. В первой из групп – тексты подгруппы Хроники Амартола, с одной стороны, и толковые переводы – с другой. Во второй группе Александрии, Житию Андрея Юродивого и Повести об Акире Премудром противопоставлены Пчела и История Иудейской войны. По линиям этих подразделений пролегают границы если не переводческих школ (говорить о школах в собственном смысле – согласимся с исследовательницей – было бы определенным преувеличением), то, по крайней мере, направлений.

В группе, содержащей наряду с восточнославянской лексикой лексику южнославянскую, наиболее интересной (и я бы сказал – загадочной) является Хроника Георгия Амартола. В давнем споре “славян между собою” о происхождении

этого памятника соседство двух языковых стихий в Хронике позволяло каждой из сторон обращать дело в свою пользу. В лучшем случае раздавались высказывания в духе “дружбы народов” о том, что болгары и русские осуществляли перевод совместно.

Проблемной в данной ситуации оказывалась восточнославянская лексика, поскольку ее присутствие объявлялось следствием позднейшей правки. Привлекая привычный мне инструмент – текстологию, в свое время я установил, что многие списки Хроники Амартола несут на себе следы правки по другим спискам. Если же к этому прибавить то, что текст Хроники обладает почти абсолютной стабильностью, перед нами предстают два ярких признака “контролируемой текстологической традиции” [5, с. 242–249].

Она, как известно, характеризует прежде всего бытование текстов Священного Писания.

Принадлежность обоих текстов к этой традиции далеко не случайна. В отсутствие на Руси до конца XV века полного текста Библии Хроника Амартола в определенном смысле Священное Писание заменяла, ведь история, излагаемая Хроникой, – это в значительной степени библейская история. Некоторые свои наблюдения о связи стабильности текста с особенностями его рецепции я надеюсь изложить в отдельной статье, сейчас же ограничусь предположением, что принадлежность хроники к контролируемой текстологической традиции свидетельствует о том, что данный текст в ряде случаев воспринимался в одном ряду с текстами сакральными. В этих условиях какие-либо изменения, тем более – уводящая от нормы русификация – кажутся маловероятными.

Подобно тому как, по признанию И.П. Павлова, они с З. Фрейдом напоминали две партии горнорабочих, роющих тоннель в горе, [6] мы с А.А. Пичхадзе (уподобляю ситуацию, но не действующих лиц) с разных сторон подходили к решению вопроса об исконности русизмов Хроники. Определив произведения, наиболее близкие по особенностям перевода к Хронике Амартола, исследовательница охарактеризовала общие черты всей подгруппы. К ним относится сходство указанных текстов с произведениями древней славянской гимнографии – как в архаических элементах, так и в инновациях. Что в данном случае важно: в памятниках, имеющих общие особенности (например, определенную южнославянскую лексику, как в подгруппе Хроники Амартола), употребляются одни и те же русизмы. “Если бы лексические русизмы принадлежали переписчикам, – отмечает исследовательница, –

такое совпадение было бы невозможно. Совпадение группировки памятников по употреблению русизмов с группировкой по другим признакам подтверждает исконность лексических русизмов в древнерусских переводных текстах” (с. 157). И вывод этот, как показывает работа, носит универсальный характер.

Продолжая разговор о Хронике Амартола как одном из самых значимых переводных текстов, поддержку версию о происхождении этого перевода, выдвинутую А.А. Пичхадзе. Южнославянизмы, читающиеся в Хронике и памятниках ее типа, характерны для западноболгарской книжности. Это обстоятельство, по мнению исследовательницы, “хорошо согласуется с относительно поздней датировкой: после падения Преслава переводческая деятельность на Руси могла осуществляться, по-видимому, либо носителями западноболгарских книжных традиций, либо восточнославянскими книжниками” (с. 355) Работали ли русский и болгарский книжники совместно или болгарский книжник самостоятельно ориентировался на русский языковой узус, разбавляя болгаризмы русизмами, — остается только гадать.

Много важных наблюдений сделано А.А. Пичхадзе и на материале восточнославянской группы переводов. Например, о наличии лексем, общих для восточноболгарского и восточнославянского диалектов: они были введены в оборот преславскими книжниками и с готовностью поддержаны восточными славянами в качестве близкого им варианта языковой нормы.

В ряду восточнославянских переводов чрезвычайно интересна подгруппа, включающая Пчелу и Историю Иудейской войны. Читая рецензируемую работу, начинаешь отчетливо понимать, что многократно отмечавшаяся свобода этих переводов заключается, собственно, в отсутствии стабильных соответствий между греческими и славянскими словами, существующих в голове всякого переводчика-профессионала. Это досадное вроде бы обстоятельство парадоксальным образом дало хорошие плоды: выбор между ремеслом и поэзией осуществился в данном случае в пользу поэзии.

К восточнославянской группе переводов с греческого в известном смысле примыкают переводы с еврейского, в русском происхождении которых не может быть никаких сомнений. Эти переводы в книге учтены, хотя принадлежность их к киевскому периоду не доказана. Не удивлюсь, если в дальнейшем выяснится, что появление на Руси, скажем, Жития Моисея и Соломонова цикла правильнее соотносить со временем, непосредственно предшествующим их первой фиксации

в рукописях (начало XV в.). Языковые данные этих переводных текстов было бы, как кажется, интересно сопоставить с данными составленного на Руси Пророчества Соломона. Этот текст традиционно датируется XIII веком, но есть основания относить его и к более позднему времени. [7, с. 307–311].

Работа А.А. Пичхадзе ценна не только своими выводами, но и огромным собранным в ней материалом. Важность этого материала не только в его доказательной силе (всякое положение исследования опирается на большое количество примеров). Подготовленный в высшей степени тщательно, этот материал приобретает известную автономность и дает возможность использовать его в качестве справочника. Рассмотрение каждой входящей в перечень лексемы — будь то восточнославянские регионализмы, греческо-славянские соответствия или группы одноосновных и сложных слов — приобретает характер словарной статьи.

Так, например, статья ka,lloj поможет всякому, кто интересуется развитием значений слов “доброта” и “красота” (с.183–184). В болгарском переводе Слова Ефрема Сирина об Иосифе Прекрасном жена Потифара говорит Иосифу: “Дерзньи и на мя, да наслажю ся азъ твоя *красоты*, наслади же ся и ты моя *доброты*”, что соответствует греческой паре ka,lloj – ευμορφία. В то же время Полная Хронографическая Палея, редактируя текст, меняет слова местами, соотнося “красоту” с женой Потифара, а “доброту” — с Иосифом [8, с. 447].

Статья le,wn отражает интересный переводческий феномен (le,wn переводится как “лютые звѣрь”) (с. 221). К списку литературы мог бы здесь добавить статью О.П. Лихачевой “Лев — лютый зверь”, посвященную 70-летию добрейшего Льва Александровича Дмитриева [9, с. 129–137]. В статье “присѣпа” (насыпь) (с. 126) я бы не стал в качестве параллели привлекать украинское слово “призѣба” (оно приводится со ссылкой на статью Н.А. Мещерского) [10, с. 195]. В этом случае, как представляется, Н.А. Мещерский дает неверную этимологию. Слово “призѣба” (завалинка) к словам с семантикой “сыпать” отношения не имеет. Оно возникло в результате стяжения слова “призѣба”, образованного посредством предлога “при” и существительного “изба” [11, с. 570].

В работе А.А. Пичхадзе содержится множество интересных коротких замечаний, которые допустимо рассматривать как темы будущих исследований. Так, автор высказывает догадку о том, что в каких-то случаях перед переводчиком

лежал не греческий текст, а его славянская транскрипция (с. 77). При том, что причина появления такого текста-посредника не вполне ясна (плохое владение письменным греческим? стремление к привычному графическому облику? диктовка греческой рукописи?), догадка имеет право на существование. Она делается на основании того, что в славянском тексте одновременно дается два разных перевода одного греческого слова. Например, слова о;гој (гора), чей фонетический облик из транскрипции, не передающей придыхания, остался непонятен (ср.: о]гој, предел). Сознательное использование дублетов – как бы странно оно ни выглядело сейчас – находится, на мой взгляд, в полном соответствии с психологией средневекового книжника. Например, создатели древнерусских хронографов, сталкиваясь с двумя различными датировками одного и того же события, порой помещали обе даты [7, с. 87]. О случае транскрибирования латинского текста как параллели упоминает сама исследовательница. Что же касается параллелей на греческом материале, то для изучения приемов транскрибирования небесполезной, как мне кажется, могла бы стать “Речь тонкословия греческого”, изданная в свое время Н.К. Никольским [12].

Завершая исследование, А.А. Пичхадзе говорит о том, что изученный ею материал “не укладывается в простую формулу” (с. 350) Я думаю, что это очень хороший признак. В конечном счете это – один из существенных признаков научности, ведь истина неоднородна, у нее всегда есть свои полутона и оговорки. Вероятно, потому броские и однозначные выводы не всегда выдерживают проверку временем. Утверждения исследовательницы некатегоричны. Мне очень нравится время от времени используемое ею “как будто” – два коротких слова, которые так любила наша дореволюционная медиэвистика. Они оставляют пространство для сомнений, что для науки очень важно. Вообще говоря, стиль рассматриваемой работы заслуживает отдельного упоминания. Исследование высокого уровня имеет свою энергетику, которая не нуждается во вненаучной подпитке. Вероятно, поэтому в труде А.А. Пичхадзе нет и следа того напряжения, которое порой сопровождает обсуждение межкультурных проблем.

Работа А.А. Пичхадзе рассмотрена мной в синхроническом, так сказать, срезе, но в ней заключена и своя глубина времени. Опубликованная монография – результат многолетних исследований, которые медиэвистам хорошо известны и высоко ими ценятся. По месту и роли в науке,

по использованию неевклидовых решений я бы сравнил вышедшую работу со знаменитой книгой А.А. Зализняка об аутентичности “Слова о полку Игореве” [13]. На многократно вспаханном поле можно, оказывается, выращивать замечательные плоды.

Е.Г. Водолазкин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Молдован А.М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
2. “История Иудейской войны” Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин. Т. 1–2. М., 2004.
3. “Пчела”: Древнерусский перевод / Отв. ред. А.М. Молдован; Изд. подгот. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева. Т. 1–2. М., 2008 (Памятники славяно-русской письменности. Новая серия).
4. Das Corpus des Dionysios Areopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert) / Hrsg. von Sabine Fahl und Dieter Fahl unter Mitarbeit von Kirsten Schaper. Bd. 1–3. Freiburg i. Br., 2010–2011.
5. Водолазкин Е.Г. Особенности текстологии ранних славянских переводов // Хиляда и осемдесет години от смъртта на св. Наум Охридски. София, 1993. С. 242–249.
6. Каминский С.Д. Динамические нарушения деятельности коры головного мозга. М., 1948. С. 195–196.
7. Водолазкин Е.Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008. С. 307–311.
8. Водолазкин Е.Г. Слово Ефрема Сирина об Иосифе Прекрасном в древнерусских палейных текстах // Hyperboreus: Классическая филология и история. СПб., 2011. Vol. 16–17: Variante loquella: Сборник статей к семидесятилетию Александра Константиновича Гаврилова. С. 447.
9. Лихачева О.П. Лев – лютый зверь // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 129–137.
10. Мецкерский Н. А. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI–XV вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 195.
11. Етимологічний словник української мови. Київ, 2003. Т. 4. С. 570.
12. Никольский Н.К. Речь тонкословия греческого: русско-греческие разговоры XV–XVI века. СПб., 1896 (ПДП. Т. 214).
13. Зализняк А.А. “Слово о полку Игореве”: Взгляд лингвиста. М., 2004 (Studia philologica. Series minor).